ИЗДАТЕЛЬСТВО ГРАМОТА

Филологические науки. Вопросы теории и практики
Philology. Theory & Practice

ISSN 2782-4543 (online)
ISSN 1997-2911 (print)

2025. Том 18. Выпуск 4 | 2025. Volume 18. Issue 4
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): philology-journal.ru

RU

Диалогичность как субстанциальный признак энигматического текста (на материале немецкого языка)

Павлова П. А.

Аннотация. Цель исследования состоит в обосновании того, что диалогичность является сущностной основой энигматического текста, обусловленной его прагматикой и определяющей его структурно-семантическое построение. В статье приводится теоретическое доказательство необходимости рассматривать любой текст как потенциально диалогический. В контексте исследований энигматических текстов данный подход представляется конструктивным, так как диалогическая форма реализации имеет здесь онтологический характер. Научная новизна исследования заключается в том, что в нем представлена разработка вопросов, связанных с имманентной диалогической природой энигматических текстов, и систематизированы средства ее вербального выражения на разных уровнях текстовой структуры. В результате были выделены три основания диалогической открытости энигматического текста, а именно: двухчастная композиционно-смысловая структура текста, высокая степень напряженности субъектно-речевых отношений и лудическая природа, которая проявляется в том числе и эксплицитно в тексте посредством языковой игры. Анализ композиционно-смыслового и формально-речевого уровней энигматического текста позволил установить совокупность вербальных маркеров диалогизма, которые являются характерными для немецкоязычных загадок.

EN

Dialogicity as a substantial feature of an enigmatic text (based on the material of the German language)

P. A. Pavlova

Abstract. The purpose of the study is to substantiate the fact that dialogicity is the essential basis of an enigmatic text, conditioned by its pragmatics and determining its structural and semantic construction. The article provides a theoretical proof of the need to consider any text as potentially dialogical. In the context of research on enigmatic texts, this approach seems constructive, since the dialogic form of implementation here has an ontological character. The scientific novelty of the research lies in the fact that it presents the development of issues related to the immanent dialogical nature of enigmatic texts, and systematizes the means of its verbal expression at different levels of the textual structure. As a result, three grounds for the dialogic openness of the enigmatic text were identified, namely: the two-part compositional and semantic structure of the text, a high degree of tension in subject-speech relations, and the ludic nature, which is manifested, among other things, explicitly in the text through language play. The analysis of the compositional-semantic and formal-speech levels of the enigmatic text allowed us to establish a set of verbal markers of dialogism, which are characteristic of German-language riddles.

Введение

В научной дискуссии о разных видах классификации текстов в работах отечественных и зарубежных исследователей традиционно выделяются две структурно-семантические разновидности текстов: монологические и диалогические. Диалогическими считаются тексты с постоянно меняющимися речевыми ролями коммуникантов, которые обмениваются репликами, или «разовыми высказываниями», по В. Г. Адмони (1994, с. 55), тесно связанными между собой содержательно и грамматически, вследствие чего их обозначают «диалогическими единствами». Это, например, тексты интервью, дискуссий в естественной коммуникации, диалоги персонажей в драматических и повествовательных художественных произведениях. Под монологическим текстом подразумевается такой текст, автор которого реализует свою речевую активность в течение определенного отрезка времени, передавая значительный объем информации второму участнику коммуникации, который не проявляет себя вербально, оставаясь тем не менее участником общения. В качестве примеров

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/phil20250203

© 2025 Авторы. © 2025 ООО Издательство «Грамота» (© 2025 The Authors. © 2025 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

монологического построения текста можно привести повседневные объявления, политические речи, научные доклады, инструкции и др., в художественной коммуникации к ним принадлежит речь повествователя, внутренние монологи персонажей в нарративных текстах.

Однако в современной лингвистике и стилистике текста понятие «монологический текст» претерпевает определенные изменения благодаря идеям М. М. Бахтина (1986) о потенциальном диалогизме языкового сознания как человека в целом, так и создаваемых им текстов. По М. М. Бахтину (1986), бытие и языковое сознание человека носят принципиально диалогический характер. Человек не существует вне взаимодействия с другими людьми и с собственным «Я» в его разных состояниях. Исходя из этого, диалогичен и продукт этого сознания – текст, поскольку благодаря тексту осуществляется коммуникация, то есть диалог между автором и реципиентом.

Идеи М. М. Бахтина (1986) в первую очередь касаются потенциального диалогизма художественного текста, поскольку художественная коммуникация представляет собой диалог человека с миром путем саморефлексии как автора, так и читателя. Бахтин говорит о «диалогической активности» автора художественного текста «в отношении чужого живого и полноправного сознания» (1986, с. 328). Адресат художественного текста создает его, находясь в состоянии потенциального диалога с адресантом, удаленного от него в пространстве и времени, и тем не менее художественный текст обеспечивает общение между индивидуальными сознаниями обоих творцов текста на фоне их знаний, ментальных представлений и жизненно-коммуникативного опыта.

Однако, как показывают исследования последних лет, потенциальный диалогизм присущ и текстам повседневной коммуникации, если рассматривать их в дискурсивной проекции, так как в первую очередь сама по себе любая коммуникация уже предполагает двунаправленный диалог, к тому же жизненная деятельность человека, сопровождающая процессы порождения и восприятия текстов, протекает в постоянной необходимости взаимодействия с другими людьми (Карасик, 2021; Спор-диалог…, 2022; Леонтович, Бакумова, Котельникова, 2022). По этой причине значительная часть текстов повседневной коммуникации не только потенциально диалогична в плане их содержания и коммуникативно-прагматических установок адресанта и адресата текстовой информации, но и существует в диалогической форме.

Актуальность исследования обусловлена потребностью в более пристальном внимании к формально-содержательному выражению имманентной диалогической природы энигматических текстов, интерес к которым не ослабевает во всех современных этнокультурах. Такой подход обеспечивает более глубокое понимание познавательных и коммуникативно-прагматических особенностей данного типа текста и дополняет список его прототипических характеристик, поскольку диалогичность детерминирует как общее композиционно-смысловое структурирование энигматического текста, так и его релевантные лингвостилистические признаки.

Объектом исследования являются малоформатные энигматические тексты загадок на немецком языке.

Предмет исследования – вербальные и невербальные средства выражения диалогизма в энигматическом тексте.

Выполнение указанной выше цели исследования требует решения следующих задач:

1) доказательство оснований диалогической открытости энигматического текста;
2) интерпретация семантико-прагматического характера диалогических отношений на композиционно-смысловом и формально-речевом уровнях малоформатного энигматического текста;
3) выявление вербальных маркеров и имплицитных форм проявления диалогизма в энигматическом тексте.

Материал исследования составили немецкоязычные печатные и электронные сборники энигматических текстов:

- Arndt M. Fingerspiele und Rätsel. Berlin: Volk und Wissen Volkseigener Verlag, 1979;
- janko.at: Webseite von Angela und Otto Janko. https://www.janko.at/;
- kleineschule.com.de. https://www.kleineschule.com.de/raetsel.html;
- Wenzel I. Esel, Schwein und Kuh – erkennen kannst du uns im Nu! Nürnberg: Tessloff Verlag Ragnar Tessloff GmbH & Co., 2016.

В процессе работы применялись следующие методы: метод сплошной выборки, используемый для отбора языкового материала; контекстуально-интерпретационный и лингвостилистический анализ целостных текстовых структур, проведенные в рамках дискурс-анализа, которые позволили рассмотреть стилистические особенности энигматического текста на примере немецкоязычных загадок в контексте ситуации его функционирования и с учетом прагматических условий взаимодействия коммуникантов.

Теоретическую базу исследования составили работы, посвященные вопросам коммуникации, речевого общения и дискурса (Адмони, 1994; Бахтин, 1986; Карасик, 2021; Спор-диалог…, 2022; Леонтович, Бакумова, Котельникова, 2022), стилистики текста (Гончарова, 2010b; Долинин, 1987), игры в культуре и литературе (Никитин, 1996; Хейзинга, 2011; Чемодурова, 2013).

Практическая значимость работы состоит в возможности использования полученных результатов в вузовских курсах по лингвистике и стилистике текста, а также на практических занятиях по интерпретации текстов.

Обсуждение и результаты

Основания диалогической открытости энигматического текста

К энигматическим текстам, являющимся объектом изучения в настоящей статье, принадлежат тексты, онтологическим основанием которых является наличие энигмы (тайны, загадки), определяющее смысловые

и структурные характеристики текста и обеспечивающее коммуникацию между адресантом и адресатом. Приведенное определение показывает, что дискурсивность, присущая любому тексту как «коммуникативному событию», в котором происходит взаимодействие автора текста и его реципиента (Андреева, 2019, с. 24-25, 37-39; Щирова, Гончарова, 2018, с. 163-168), приобретает в энигматическом тексте более интенсивный характер, осложненный внутренней семантикой заложенной в нем тайны. Наличие «загадочного», «таинственного», обязательное в случае энигматического текста, придает познавательно-коммуникативному диалогу между его автором и реципиентом особое прагматическое напряжение благодаря обязательной установке первого на формирование образа «таинственного» объекта или явления действительности, а второго – на разгадывание содержательного ядра текста.

Нельзя не отметить, что класс энигматических текстов является гетерогенным, поскольку к нему относится ряд текстов, различных как по композиционно-смысловому характеру заложенной в них энигмы, так и по текстовому объему (Павлова, 2024). Наиболее многочисленную группу класса составляют малоформатные энигматические тексты: загадки, кроссворды, шарады, логогрифы, анаграммы и другие (Струкова, 2019). К разряду энигматических можно отнести и тексты большего объема, такие как, например, тексты детективных романов в литературно-художественной коммуникации или юридические тексты-задачи в профессиональной правоведческой сфере, так как и в их содержательной структуре всегда присутствует компонент неизвестного и загадочного (например, лица, совершившего деликт; причин и обстоятельств преступления; предметов, служащих уликами и др.).

Имманентное присутствие названного компонента в семантике и структуре энигматического текста обусловливает его структурно-содержательную диалогическую природу, имеющую ряд оснований, поддающихся научной интерпретации и доказательству.

В качестве первого основания имманентного диалогизма энигматического текста служит то, что композиционная структура энигматического текста содержит две обязательные смысловые части: кодирующую (или вопросно-загадываемую) и кодируемую (или ответно-разгадываемую), по сути связанные между собой имплицитным двухвекторным логико-смысловым отношением, выявить которое, по замыслу автора, должен читатель. Это нередко влечет за собой включение в формально-речевую структуру текста сигналов непосредственного словесно-речевого диалога создателя текста с адресатом.

К ним, как показывают наблюдения, можно отнести, помимо названной выше общей прототипической структурно-композиционной особенности энигматического текста – облигаторности минимальной смысловой оппозиции «вопрос + ответ» – структурно-семантический тип предложения (вопросительные и побудительные предложения), прямые обращения к адресату, апозиопезу, персонификацию и драматизацию текста и другие маркеры диалогизма, которые будут продемонстрированы на языковом материале ниже.

Вторым основанием диалогической открытости энигматического текста можно считать специфические прагматические функции адресанта и адресата энигматического текста, обусловленные особой ситуацией их когнитивного и коммуникативного взаимодействия. В семантике самого слова «энигма» имплицитно заложена сема «диалог», так как энигма предполагает таинственные знания или информацию, которые доступны одному, но скрыты от другого. Исходя из этого, диалог становится необходимым прагматическим условием ментального и коммуникативного «напряжения» между «знающим» (загадчиком / автором текста) и «незнающим» (отгадчиком / реципиентом текста) – двумя полюсами речевого общения с противоположными интенциями. Поскольку подобный характер познавательного и эмоционального «напряжения» не свойствен иным типам текстов, его можно считать прототипической коммуникативно-прагматической составляющей процесса порождения и восприятия энигматического текста.

Иначе говоря, энигматический текст можно охарактеризовать как некое диалогическое коммуникативно-прагматическое и структурно-семантическое целостное высказывание, где функция автора-создателя текстовой структуры (если ее сравнивать с текстопорождающей функцией авторов иных текстов) осложняется за счет роли загадчика, владеющего тайной, а функция читателя становится сложнее, так как ему предлагается стать отгадчиком, цель которого состоит в раскрытии и «присвоении» себе тайны загадчика. Условия успешной реализации когнитивного и речевого общения автора и читателя энигматического текста заключаются в достижении диалогически связанных прагматических целей обоих коммуникантов.

Таким образом, высокая степень диалогической напряженности субъектно-речевых отношений участников дискурса, типичная для этого типа текста, зависит от специфики коммуникативной ситуации, то есть от «ситуации, в которой совершается речевой акт», включающей, как известно, такие параметры, как адресант, адресат и, факультативно, наблюдатель, а также сообщение и канал связи (Долинин, 1987). Важно и то, что коммуникативная ситуация может включать в себя «контекстуально-речевую ситуацию» текста, то есть комплекс языковых явлений в конкретном тексте, характеризующих его стиль и зависящих от названных выше внеязыковых факторов (Гончарова, 2010а).

Если характеризовать коммуникативную ситуацию, в которой существует любой энигматический текст, то ее лингвистический компонент представлен композиционно-структурными особенностями текста, заданными прагматическими целями коммуникантов. Двучастность энигматического текста, таким образом, является не только одним из оснований его диалогической открытости, но и его обязательной стилевой чертой, продиктованной ситуацией его функционирования.

Третье основание диалогизма как имманентной характеристики энигматического текста заключается в том, что энигматический текст – это всегда некая форма игры. Как известно, понятие игры в последние годы

все более интенсивно рассматривается с точки зрения семантики, прагматики и при изучении различных видов текстов, при этом выделяются разные аспекты игры, но в данном случае для нас важно подчеркнуть ее диалогический и коммуникативный характер (Витгенштейн, 1994; Гадамер, 1988; Каргополова, 2008).

Любой энигматический текст создает условия для игрового речевого общения и вовлекает коммуникантов в «игровой диалог». И здесь нельзя не согласиться с М. В. Никитиным, который, говоря об особенностях игры как деятельности, отмечает, что она «осуществляется не по правилам, навязываемым субъекту действительностью, а по правилам, которые субъект навязывает действительному миру» (1996, с. 357). Это высказывание напрямую соотносится с описанной ранее особой прагматической функцией загадчика: он имеет возможность, опираясь на свое воображение, опыт, фоновые знания, выбрать объект реальной действительности, желаемые характеристики этого объекта, образ, через который он будет кодироваться, и создать коммуникативно-познавательный предмет энигматической ситуации – энигматический текст. Сам же энигматический текст – это и опора для «игры воображения» коммуникантов, и в то же время «моделирующая деятельность» (Чемодурова, 2013, с. 33, 41), поскольку игра воображения разворачивается в нем на основе динамического диалога между загадчиком и отгадчиком. Она заключается в кодировании (автором-загадчиком) и декодировании (читателем-отгадчиком) таинственного объекта реальной действительности, то есть установлении творческой языковой личностью связи между энигматическим текстом и реальным миром и воспроизведении в нем аспекта этого мира.

Для энигматического текста характерен ряд признаков, называемых известными исследователями игры (Витгенштейн, 1994; Хейзинга, 2011). В первую очередь, энигматический текст можно понимать как «свободное действие» (Хейзинга, 2011, с. 31) в том смысле, что автор свободен как субъект, обладающий тайной и инициирующий взаимодействие с реципиентом, его возможности шире возможностей реципиента, который вовлекается в энигматическую игру, находящуюся за пределами обыденной жизни коммуникантов. При этом энигматический текст характеризуется некой замкнутостью, потому что коммуниканты выполняют свои функции загадчика и отгадчика в его пространственно-временных границах, задаваемых «сильными» начальной и конечной позициями текста.

Ограниченность во времени не только фиксирует начало и конец развития энигматической ситуации, но и предполагает ее повторяемость. Так, энигматический текст может становится коммуникативным событием множество раз при разных условиях: может меняться канал связи (устный или письменный), адресаты текста и их количество и, более того, адресат, присвоив себе тайну автора, может сам стать адресантом энигматического текста, повторив его и создав другую энигматическую ситуацию. Повторы обнаруживаются и в языковом компоненте энигматической ситуации – они характерны для формально-речевого плана энигматического текста и часто определяют его структурную организацию.

Пространственные параметры энигматической игры детерминируют порядок, нарушение которого является для нее экзистенциальной угрозой. Напряжение, существующее внутри любой игры, в энигматическом тексте проявляет себя как отмеченное выше напряжение субъектно-речевых отношений и мыслительных сил коммуникантов. Адресант направляет свой интеллект и свою фантазию на процесс кодирования, а адресат энигматического текста, вступая в коммуникацию, воспринимает ее как испытание/вызов, поэтому ему необходимо приложить определенные мыслительные усилия, чтобы коммуникация состоялась. В том случае, когда энигматическая ситуация отмечена наличием множественного адресата (в случае коллективной игры в загадки), можно говорить о присутствии соревновательного элемента, выводящего эмоциональное напряжение на более высокий уровень.

Порядок и напряжение требуют наличия правил игры, которые в энигматическом тексте связаны в первую очередь с прагматическими функциями коммуникантов. Принимая во внимание игровой аспект, их можно также определить как «игровые роли», которые вынуждены принимать речевые субъекты, вступающие в коммуникацию. Наконец, таинственность энигматического текста как игровой формы общения мотивирована энигмой, лежащей в его основе.

Игровая природа энигматического текста проявляется и на его формально-речевом уровне в качестве языковой игры как способа кодирования.

Рассмотрим это на примере следующего текста:

Ein Tummelplatz für viele Menschen ist es,
Die, wie es scheint, höchst Wichtiges bezwecken.
Ein kleines Ding, ein ungern nur vermisstes,
Kannst du es leicht in deine Tasche stecken. – Die Börse (janko.at). /
Игровая площадка для многих людей,
У которых, кажется, есть важная цель.
Маленькая вещь, которую неприятно потерять,
Ты можешь легко положить ее в карман. – Биржа, бумажник (здесь и далее – перевод автора статьи. – *П. П.*).

Языковая игра в этой загадке базируется на полисемии отгадки *die Börse*, которой соответствуют два кодируемых объекта действительности. Первые две строки подразумевают отгадку со значением *Aktienbörse* (русск. «биржа»), а последние – *Geldbörse* (русск. «бумажник»). С одной стороны, языковая игра здесь не только помогает закодировать загадываемый объект и усложнить задачу адресата, которому необходимо распознать образы не одного, а двух загаданных объектов, чтобы найти отгадку, но и, с другой стороны, таким

способом адресату облегчается процесс декодирования, потому что при сложностях с декодированием одного из образов успешное декодирование другого в любом случае приведет адресата к общей для обоих загаданных объектов отгадке.

Таким образом, игровой характер энигматического текста органично связан с его диалогической природой, так как он предполагает наличие минимум двоих коммуникантов-игроков, осуществляющих речевое общение в ограниченном пространстве и времени игрового взаимодействия, детерминируемого свойственными им прагматическими функциями загадчика и отгадчика. Игровой энигматический диалог создает и особый порядок протекания коммуникации, отмеченный усиленной напряженностью адресантно-адресатных отношений. Перечисленные характеристики лудической природы энигматического текста можно называть игровыми признаками энигматического диалогизма.

Вербальные маркеры диалогизма в энигматическом тексте

Диалогизм в энигматическом тексте обнаруживается на двух уровнях. На композиционно-смысловом уровне выражение диалогических отношений обусловлено структурно-композиционными особенностями текста, продиктованными энигмой. Коммуникативная ситуация реализации энигматического текста диалогична по своей сути, поэтому и возникающий в ее условиях текст имеет диалогическую природу даже в том случае, когда в нем нет эксплицитно выраженных сигналов диалогизма. Например:

Kaum gesprochen,
schon gebrochen! – Das Schweigen (janko.at). /
Едва сказано,
Уже нарушено! – Молчание.
Loch an Loch und hält doch! – Die Kette (Arndt, 1979, S. 147). /
Дыра к дыре и все же держится! – Цепь.

Текст каждой из представленных загадок можно условно разделить на рифмованную, семантически распадающуюся на две части реплику адресата и ожидаемый ответ адресанта, которые на письме отделены друг от друга графически скобками. Данный пример демонстрирует текст, который отмечен внутренним субъектно-объектным «расщеплением» композиции, обусловленным имманентным присутствием обязательных составляющих любого энигматического текста (загадка автора – отгадка потенциального читателя), хотя он и не содержит речевых средств, указывающих на экспликацию диалогических отношений на формально-речевом уровне текста.

На формально-речевом уровне диалогические отношения в энигматическом тексте могут выражаться различными языковыми средствами. Выбор тех или иных средств во многом обусловливается типом энигматического текста. Так, в малоформатных энигматических текстах загадок диалогические отношения часто эксплицируются с помощью вопросов, адресованных реципиенту, обращений к нему и других средств.

Was ist nackter als nackt,
So nackt, dass es knackt? – Das Skelett (janko.at). /
Что обнаженнее обнаженного,
Настолько обнаженное, что издает треск? – Скелет.
Was hat Federn und fliegt nicht,
Beine und geht nicht? – Das Bett (Arndt, 1979, S. 149). /
Что имеет перья, но не летает,
Имеет ноги, но не ходит? – Кровать.

Главной структурно-композиционной особенностью приведенных загадок является вопросительный тип предложения, которым представлена кодирующая часть текста. Формулирование первого текста в виде прямого вопроса с обособленным уточнением усиливает прагматику диалогизма внутри него, поскольку кодирующая и кодируемая части в подобном случае связаны не только на уровне содержания, но и на уровне формы, предопределяющей наличие вопросно-ответного контекстуального единства. Фокус прагматико-речевой активности адресата дополнительно поддерживается лексическим повтором (*nackt*) и аллитерацией (*nackt*; *knackt*) в первом примере и связанными по принципу грамматического параллелизма отрицаниями (*fliegt nicht*; *geht nicht*) во втором.

Разговорно-диалогические отношения между адресантом и адресатом текста иллюстрируют и следующие примеры:

Weißt du, was das Kätzchen frisst,
wenn es hungrig ist? – Eine Maus (janko.at). /
Ты знаешь, что ест котенок,
когда он голоден? – Мышь.
Jedem zeigt er ein anderes Gesicht.
Selber hat er keins – *weißt du*, wer das ist? – Der Spiegel (janko.at). /
Оно показывает всем разные лица.
У самого его нет – ты знаешь, что это? – Зеркало.

Они выражаются при помощи прямых вопросов к читателю *„weißt du, was das Kätzchen frisst…?“* и *„weißt du, wer das ist?“*, включенных в кодирующую часть текста. Явное проявление диалогических отношений раскрывается

и благодаря обращению к адресату во втором лице единственном числе местоимения *du*. В текстах немецких загадок нередко используются местоимение второго лица множественного числа *ihr* и соответствующая форма глагола, что говорит о прагматической установке текста на множественного адресата и создании доверительной атмосферы прямого устного диалога с любым видом адресата:

Ich möchte wissen, ob *ihr kennt*
den Vogel, der sich selber nennt. – a) Kuckuck; b) Zilpzalp (janko.at). /
Я хотел бы узнать, знаете ли вы
Птицу, которая сама себя называет. – а) кукушка; б) пеночка-теньковка.
Sagt heute, wenn *ihr wisst*,
was morgen gestern ist. – Heute (janko.at). /
Скажите сегодня, если вы знаете,
что завтра будет вчера. – Сегодня.

При этом во второй из приведенных загадок кодирующая часть текста представлена не вопросительным, а императивным предложением, выступающим в функции побудительной основы диалога между загадчиком-автором и разгадчиком-потенциальным читателем.

Обращение адресанта к адресату может быть выражено не только с помощью местоимения. Доверительно-разговорную форму обращения демонстрирует следующий текст:

Vorne wie ein Kamm,
mitten wie ein Lamm,
hinten wie 'ne Sichel,
nun *rat, mein lieber Michel*. – a) Hahn; b) K + am + el = Kamel (janko.at). /
Спереди как гребень,
Посередине как ягненок,
Сзади как серп,
Теперь угадай, мой дорогой Михель. – а) петух; б) верблюд.

В последней строке загадки императив используется вместе с персонализированным обращением *mein lieber Michel*, где распространенное в немецком узусе имя собственное *Michel* функционирует как собирательное. Подразумеваемым референтом обращения является любой ребенок, который потенциально принимает участие в разгадывании загадки. Кроме обращения приведенный текст содержит синтаксический параллелизм и трехкратное сравнение, диалогически ориентированные на адресата посредством фокусирования его внимания на существенных сторонах загадываемого объекта, а также две возможных отгадки.

Наряду с именем *Michel* в немецких загадках встречается также уменьшительно-ласкательная форма имени *Hans – Hänschen*:

Was du machst, das mach' auch ich,
Wenn du lachst, dann lach' auch ich,
stehst du still, dann steh' ich auch,
gehst du, nun, dann geh' ich auch;
recke, rüttle, bücke dich,
strecke, schüttle, drücke dich;
was du tust, das tu auch ich.
Sage, Hänschen, kennst du mich? – Der Spiegel (Arndt, 1979, S. 179). /
Что делаешь ты, то делаю и я,
Когда ты смеешься, тогда смеюсь и я,
Ты стоишь, тогда стою и я,
Ты идешь, тогда иду и я;
Вытянись, встряхнись, наклонись;
Потянись, потрясись, уклонись;
Что сделаешь ты, то сделаю и я.
Скажи, Гансик, знаешь меня? – Зеркало.

Выбор этих имен, вероятно, обусловлен не только их широкой известностью, но и значимостью для немецкоязычной культуры как неких антропонимических культурных концептов. Тем не менее, чаще в качестве прямого обращения используются более нейтральные обозначения референта, одно из которых иллюстрирует следующая загадка:

Es hat eine harte Schale,
der Kern schmeckt süß und fein.
Ihr knackt es alle gern.
Mein Kind, was mag das sein? – Die Nuss (janko.at). /
У него твердая оболочка,
Ядро сладкое и нежное на вкус.
Вы все грызете его с удовольствием.
Дитя мое, что это может быть? – Орех.

Вопросная часть текста завершается обращением *mein Kind*. Этот текст заслуживает внимания еще и по причине его одновременной обращенности к конкретному адресату, что выражено с помощью персонализированного обращения, и ко множественному адресату, так как в тексте употребляется местоимение второго

лица множественного числа *ihr*. Рассмотренные выше виды обращений к адресату можно классифицировать как «нейтральные вокативы» и «эмоциональные вокативы» (Новикова, 2021, с. 55-56; 2022, с. 3605). К первой группе относятся местоимения первого и второго лица (*du, ihr*), а ко второй – обращения с притяжательными местоимениями и прилагательными, выполняющими атрибутивную функцию, и уменьшительно-ласкательные формы личных имен (*mein lieber Michel, mein Kind, Hänschen*).

Несмотря на распространенность местоименных и прямых обращений в загадках, апелляция к адресату может быть и обобщенно-косвенной. Один из способов такого выражения диалогизма можно обнаружить в приведенных ниже загадках:

Dieser kleine dicke Knecht
geht im Acker, ackert recht
Ohne Egge, ohne Pflug.
Wer ihn errät,
der ist klug. – Maulwurf (janko.at). /
Этот маленький толстый батрак
Ходит по полю, хорошо пашет
Без бороны, без плуга.
Кто его отгадает,
тот умен. – Крот.
Es bringt den Reiter um sein Ross,
Den Edelmann um sein Schloss;
Den Bauern um seinen Ackerpflug:
Wer das errät, der ist wohl klug. – Würfelspiel (janko.at). /
Она лишает рыцаря его коня,
Дворянина – его замка;
Крестьянина – плуга:
Кто ее отгадает, тот очень умен. – Игра в кости.

В последних строках функцию традиционной для загадок местоименной формы обращения выполняет грамматико-стилистическая метонимия, в структуре которой личное местоимение *du* заменяют относительное местоимение *wer* и указательное *der*, семантически усиленное предикатом klug, что интенсифицирует мотивационно-диалогическую семантику и дидактическую тональность высказывания.

Еще один примечательный сигнал эксплицитной объективации диалогизма обнаруживается в структурно-семантической организации следующего энигматического текста.

Als Raupe geboren, verpuppt und befreit,
flieg ich nun fröhlich zu Blüten nah und weit.
Wer bin ich, so zart und so flink?
Die Antwort ist nah, ich bin ein … – Schmetterling (kleineschule.com.de). /
Родилась гусеницей, окуклилась и освободилась,
Теперь я радостно летаю к цветам туда-сюда.
Кто я, такая нежная и ловкая?
Ответ близок, я … – Бабочка.

Как видим, в последней строке пропущено имя-отгадка, которое рифмуется с последним словом предыдущей строки. В подобных случаях используется стилистический прием апозиопезы, или «фигуры умолчания» (Гончарова, 2010b, с. 310-311), графически обозначенный многоточием, а в устной речи – паузой, эксплицирующей в тексте диалогическую позицию адресата с его возможным ответом. Благодаря такой особенности выстраивания текста адресат призывается к формальному завершению целостной текстовой структуры загадки, в чем ему должна помочь и сознательная рифмовка текста. Отмеченная диалогическая «недоговоренность», мнимая семантическая неполноценность текста, восполнить которую должен читатель, присуща целой группе загадок. Приведем еще один типичный пример подобного маркера «диалогической открытости» энигматического текста:

Iiiaaah mach ich, das hörst *du* ja,
hab lange Ohren, ist doch klar.
Bin klug und treu, kann Lasten tragen,
musst nur nach dem … fragen. – Esel (Wenzel, 2016, S. 5). /
Я говорю «иа-а-а», ты же слышишь,
У меня длинные уши, это очевидно.
Я умный и преданный, могу носить груз,
Тебе нужно только … попросить. – Осла.

Особенность данного текста состоит в том, что слово-отгадка здесь не является последним в предложении, поэтому апозиопеза как бы прерывает называемую адресантом часть текста. В отличие от большинства загадок, предполагающих одну смену реплик в диалоге, подобные тексты подразумевают две смены. Усилению диалогизации способствует также то, что от ответа адресата здесь зависит не только реализация его функции отгадчика и завершенность текста, но и возможность адресанта исполнить свою роль, вербализовав текстовую лакуну. Такое положение апозиопезы в текстовом целом усложняет процесс декодирования, потому что не подразумевает

помощи для адресата в виде рифмовки с какой-либо из предыдущих строк. По этой причине в тексте представлено детализированное описание загадываемого объекта (*hab lange Ohren*; *klug und treu*; *kann Lasten tragen*) и звукоподражание (*Iiiaaah*), которые сводят к минимуму вероятность коммуникативной неудачи.

Следующий пример демонстрирует такие маркеры диалогизма, как речевые сигналы метафорической персонификации и драматизации текста. Это достигается путем анафорического использования местоимения первого лица единственного числа *ich* в синтаксической функции субъекта, семантической – актанта действия и изобразительно-стилистической функции – метафорической персонификации. Тем самым текст формулируется «от первого лица» таинственного (неодушевленного) персонифицированного объекта загадки, приобретающего характер персонажа энигматической ситуации. Немецкоязычные загадки часто обладают такими особенностями «субъектно-адресатной организации» текста (Новикова, 2023, с. 101):

Ich habe viele Zähne und doch keinen Mund.
Ich bin nicht eckig, sondern rund
und drehe mich im Kreise.
Wer weiß, wie ich heiße? – Das Zahnrad (janko.at). /
У меня много зубов, но нет рта.
Я не угловатый, а круглый,
И вращаюсь по кругу.
Кто знает, как я зовусь? – Шестеренка.
Ich stehe ohne Fuß.
Ich fresse ohne Mund.
Ich bin leichter zu töten als zu bekämpfen.
Was bin ich? – Die Zeit (steht still, frisst ihre Kinder, totschlagen) (janko.at). /
Я стою без ног.
Я ем без рта.
Меня легче убить, чем победить.
Что я? – Время (стоит на месте, пожирает своих детей, можно убить).

Похожую семантико-стилистическую структуру имеют и примеры загадок с апозиопезой, но в них в недосказанной, но структурно предполагаемой рематической части высказывания персонифицируется животное. Данные же тексты демонстрируют то, как олицетворяются вынесенные за структурные рамки текста образы шестеренки и времени, которые предстают как нечто одушевленное, ведущее диалог с адресантом. Благодаря этому кодирующая часть воспринимается как персонифицированная реплика драматического текста, которая всегда предполагает обязательную ответную реакцию.

Итак, спектр маркеров диалогизма представляется весьма широким, а экспликация тех или иных из них во многом зависит от вида энигматического текста. Для немецкоязычных загадок характерными маркерами диалогизма являются структурно-композиционные особенности, вопросительные и побудительные предложения, прямые обращения и косвенные апелляции к адресату, апозиопеза, речевые сигналы персонификации и драматизации текста. Вербальные маркеры диалогизма эксплицируются как на композиционно смысловом, так и на формально-речевом уровнях текста загадки.

Заключение

Таким образом, в результате проведенного исследования удалось прийти к следующим выводам. Энигматические тексты отличаются от других текстов «загадочным» компонентом содержания, в результате наличия которого возникает усиление прагматического и эмоционального напряжения в диалогических познавательно-коммуникативных отношениях между адресантом и адресатом текста.

Имманентная диалогическая открытость энигматического текста имеет несколько взаимосвязанных оснований. В первую очередь она заложена в композиционно-структурных особенностях текста, подразумевающих наличие как минимум двух информативно-смысловых частей: вопросной, или кодирующей, и ответной, или кодируемой. Отсюда вытекает следующий фактор диалогизма текста, а именно осложнение коммуникативно-прагматических функций адресанта и адресата, которые в рамках дискурсивной ситуации становятся загадчиком и отгадчиком содержательной тайны текста, действующими с противоположными, но диалогически тесно связанными установками. Последнее основание диалогичности энигматического текста заключается в том, в нем присутствует некий «игровой диалог» между коммуникантами, в ходе которого с помощью приемов «языковой игры» моделируется выбранный загадчиком фрагмент реального мира.

На формально-речевом уровне к вербальным маркерам диалогизма в энигматическом тексте можно отнести структурно-семантический тип предложения (вопросительные и побудительные предложения), прямые обращения к адресату, косвенные апелляции к адресату, апозиопезу, лингвостилистические средства персонификации и драматизации текста.

В качестве перспектив дальнейшего исследования можно назвать необходимость рассмотрения проблемы диалогичности на примере крупноформатных энигматических текстов и, таким образом, выявления прочих маркеров диалогизма, присущих энигматическим текстам.

Источники | References

1. Адмони В. Г. Система форм речевого высказывания. СПб.: Наука, 1994.
2. Андреева В. А. Литературный нарратив: зона формирования смыслов: монография. Казань: Бук, 2019.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Художественная литература, 1986.
4. Витгенштейн Л. Философские работы: в 2 ч. / сост., вступ. статья, примеч. М. С. Козловой; пер. с нем. М. С. Козловой, Ю. А. Асеева. М.: Гнозис, 1994. Ч. I.
5. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / пер. с нем., общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988.
6. Гончарова Е. А. Ситуация как фактор стиля // Stylistyka. 2010a. Т. 19.
7. Гончарова Е. А. Теория и практика стилистического анализа. М.: Академия, 2010b.
8. Долинин К. А. Стилистика французского языка. М.: Просвещение, 1987.
9. Карасик В. И. Языковая пластика общения: монография. М.: Гнозис, 2021.
10. Каргополова И. А. Лингвистические и социокультурные факторы лудического речевого поведения: автореф. дисс. … д. филол. н. СПб., 2008.
11. Леонтович О. А., Бакумова Е. В., Котельникова Н. Н. Язык большого города: медиаурбанистический дискурс в России и Китае. М.: Гнозис, 2022.
12. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. СПб.: Научный центр проблем диалога, 1996.
13. Новикова К. А. Маркеры интертекстуальности как средство выражения адресованности немецкоязычных авторских энигматических текстов конца XVIII – начала XX в. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 11. https://doi.org/10.30853/phil20220617
14. Новикова К. А. Способы экспликации адресованности в авторских немецкоязычных энигматических текстах конца XVIII – начала XX вв. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 2.
15. Новикова К. А. Структура энигматического текста: субъектно-адресатный аспект // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 2.
16. Павлова П. А. Семантика и структура мало- и крупноформатных энигматических текстов (на материале немецкого языка) // Известия Смоленского государственного университета. 2024. № 4 (68).
17. Спор-диалог в научно-популярной коммуникации: коллективная монография / отв. ред. Ю. М. Коняева. СПб.: Медиапапир, 2022.
18. Струкова Т. В. Энигматические жанры русской поэзии: эволюция и типология: автореф. дисс. … д. филол. н. Орел, 2019.
19. Хейзинга Й. Homo ludens: опыт преодоления игрового элемента культуры / сост. предисл. и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова; коммент., указатель Д. Э. Харитоновича. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011.
20. Чемодурова З. М. Игра в постмодернистском художественном тексте (на материале англоязычных произведений 20-21 веков): монография. СПб.: Палитра, 2013.
21. Щирова И. А., Гончарова Е. А. Многомерность текста: понимание и интерпретация. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2018.

Информация об авторах | Author information

RU

Павлова Полина Анатольевна[1]
[1] Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург

EN

Polina Anatolyevna Pavlova[1]
[1] Herzen University, Herzen UniversitySt. Petersburg

[1] *pavlova-p@mail.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 20.01.2025; опубликовано online (published online): 14.04.2025.

Ключевые слова (keywords): диалогичность текста; энигматический текст; немецкоязычная загадка; маркеры диалогизма; языковая игра; text dialogicity; enigmatic text; German-language riddle; markers of dialogism; language game.